

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись книги стихотворений Жале /Бади Жале Абулгасем/
"Альборус без поражений" /Альборзи би шикаст/, на языке
оригинала - фарси.

Я впервые пишу внутренний отзыв на книгу поэта, о котором
можно сказать: это - поэт революции.

Творчество Жале - летопись иранской революции, народно-ос-
вободительного движения, начавшегося в годы второй мировой
войны, прошедшего громадные и кровавые испытания, приведшего
к антишахскому успешному восстанию - и продолжающегося сегодня.
Творчество Жале - поэтический памятник погибшим друзьям-
революционерам, сотням и тысячам невинных жертв; это - исто-
рия горьких потерь, глубоких разочарований, гимн нестигаемой
воле борцов, песня веры и надежды, поэзия духовных взлетов
и побед. Творчество Жале - это история многострадальной зем-
ли, пропетая соловьиным сердцем.

Советскому читателю знакомы многие страницы поэзии Жале,
раскрывающие трагедийный и в то же время многокрасочный и
жизнеутверждающий мир слова, являющегося продолжением лучших
традиций, заложенных золотыми звездами фарсиязычной поэзии -
Саади, Хафизом, Фирдоуси, чьи имена роднят землю и народ
поэтессы с культурой нашего Таджикистана - там ее творчество
принято как свое, кровно родное. Но эти страницы были созданы
поэтессой в прежние десятилетия. Восемидесятые годы принесли
Жале, как и всему ее народу, партии, революции, культуре
много болей, утрат, тревог, они стали временем новых осмысле-
ний, новых переживаний, порой очень горьких, но не пессимис-
тических, исполненных непоколебимой веры в победу. Вот почему
новая книга Жале своим названием символизирует твер-
дость веры, светлый и гордый взгляд художника на сложное,
противоречивое, драматическое время, в котором развивается
движение народного духа. "Альборус непокоренный" - так еще

можно перевести название книги. Альборус /тезка нашего Эльбруса/ - символ вечной красоты, мужества и гордости древней земли Ирана - остается непокоренным злым и черным силам, остается пиком веры и любви, утверждает поэтесса.

Эта книга, изданная в Лондоне, в издательстве иранских революционеров-коммунистов, содержит в себе более шорока стихотворений. К ней приложена рукопись, в которой еще несколько десятков стихотворений, тематически составляющих с книгой единое целое. То есть и по объему - около 4 листов, и по составу можно говорить о реальной книге, готовой к переводу. И все же необходимо сказать о содержании - не только потому, что этого требуют издательские правила, но еще и потому, что "Альборус без поражений", на мой взгляд, во многом отличается от прежних страниц творчества Жале, и редакции в работе с рукописью, а затем с переводчиком, будет необходимо учесть эти особенности.

Автору отзыва, прочитавшему книгу и рукопись, представляется, что в "Альборусе..." нет - прежде всего по идейно-тематической сути - стихотворений /и маленьких поэм, их несколько/, которые не могли бы войти в будущую книгу на русском языке. Все они в той или иной степени будут интересны для советского читателя, в особенности любящего поэзию современного Востока. В этих произведениях Жале, по моему убеждению, в еще большей мере развивает и продолжает лучшие традиции не только фарсиязычной поэзии, но и художественно-идейных достижений других передовых поэтов Азии - например, великого индо-пакистанского поэта нашего века Мохаммада Икбала. Революционер по убеждениям социальным, Жале является и сторонником обновления древних форм. Нужно, однако, отметить, что стихи ее - не отказ от аруза, освященного золотыми именами Хайяма и Рудаки. Аруз - не просто система стихосложения для персоязычного поэта, но и система "ритмики чувств", и отказываться от его правил - ~~значит~~

Г

значило бы разрушать самоё "лирическое вещество", превращать поэзию в прозу, а не в верлибр. Жале, попросту говоря, чуждается канонически-слепого следования древним формам архитектоники стиха, так, у нее не встретить "в чистом виде" газелей или рубайи, но элементы этих форм органично вплетаются в ее творчество. Ее стих - то, что в Иране зовут "шеъри нов" - новая поэзия, где форма диктуется содержанием в гораздо большей мере, нежели у классиков. Переводчику Жале следует в качестве ориентира знать, что даже самые смелые сторонники "свободного аруза" /"арузи озод"/ у нас, в Таджикистане - такие как Лоик Шерали - звучат более традиционно, чем автор этой рукописи. Мне, как русскому поэту, давно уже читающему и переводящему нашу фарсиязычную поэзию, и как литературоведу-зарубежнику, представляется, что причина здесь проста - сама драматическая почва поэзии иранки рождает гораздо более "взрывную" музыку стиха, чем творчество ее таджикских коллег. Это не в упрек последним - слава богу, что им не приходится переживать в стихе гибель тысяч и тысяч соотечественников; к тому же надо заметить, что подавляющее большинство иранских поэтов в последние десятилетия шахского режима формально были очень ~~наши~~ раскованны - но подлинный дух новаторства в их стихах и не гостил.

А в строках Жале он властвует, он является основной атмосферой творчества - с первой строки до последней в "Альборусе". Уже первое стихотворение, давшее название сборнику, говорит нам о высокой обобщающей силе ее слова. Его внешняя, локальная тема - братоубийственная ирано-иракская война, не нужная никому. Поэтесса обличает темные силы сторонников этой войны в обеих странах, она мечтает о дне, когда "над пиком Альборуса тысячи факелов мира станут вселенским пиршеством звезд". Но здесь речь идет далеко не только о данном конфликте - сама лексика поэтессы ведет нас к расширению темы - война ненавистна ей не только на ее земле но и повсюду: "Сова войны" - раски-

нувшая крылья над ее собратьями, грозит и всему миру... Разумеется, новые произведения Жале обращены прежде всего к темам Ирана, но везде их идейно-художественное значение выходит за рамки одной страны. Образ, самый конкретный и зримый, обретает значение символа, современные субстанции пронизываются био-токами многих столетий. Даже в прямой публицистике: вот стихотворение "Ключ к освобождению", навеянное посещением поэтессой Тегеранского университета в дни после свержения шахского режима. Две силы видит она, враждебных друг другу: фанатичных приверженцев исламской власти - и сторонников нового пути, стремящихся сблизиться с культурами других стран. Автор задает себе жгучие и больные вопросы: "...Мы сеяли все это вчера - что мы возьмем в завтра? Как соединить их, как создать новый единый путь?". Тревога пронизывает все существо авторского "я", становящегося не просто поэтом - но патриотом, переживающим боли всех людей: "...каждый стебель растет из моего сердца". Она обращается к себе: "Если ты ищешь слово-ключ к единству, поэт, найди его в пустыне огня и крови, создай стихотворение, равное по весу сердцам и воле людей, идущих на смерть за свободу". Ключ к победе автор видит только в народном единстве - но понимает, как невыразимо сложен путь к этому единству, сколько мук еще придется претерпеть ради него.

И не случайно стихотворение, обращенное к матери погибшего подвижника революции, она заканчивает словами Рудаки: "Скорбящий, знай, что лишь в беде рождается знание, лишь в муках рождаются величие и державность".

Сама тема борьбы и революции не единообразна у Жале, она выступает во множестве ликов, в труднейшей диалектике бытия. Философия борьбы у Жале - редчайшее явление не только для восточной поэзии - органично смыкается с натурфилософией, основывается на конкретных приметах родной иранской земли, ее многообразной природы, как в стихотворении "Идущим в ночи", где

4

автор как бы "высвечивает" мощные и гордые фигуры революционеров Ирана, идущих по земле, столь же бедной, сколь и богатой - в самом буквальном смысле. "Нефть - и недуг твоего тела, и красота, и богатство" - обращается она к родному краю. Читая Жалея просто поражаюсь тому, как органично и пластично сходятся в словах древнего фарси самые современные линии мысли - и самые, казалось бы, "соловьиные" ноты, самые лиричные, импрессионистично-колоритные краски. Вот образ моря - кстати, очень традиционный для иранской поэзии, вспомним географическое положение этой соседней с нами страны - моря, возникающего в стихотворении "Волны", где поэтесса пишет от лица волн: "Мы живы только потому, что мы - в движении, в непокое. Покой - смерть для нас"

Но романтическая палитра и богатая символика отнюдь не затмевают современной реальности, ярко выступающей во многих стихотворениях, высвечивающих ту или иную грань иранской духовной действительности или планеты в целом - назовем здесь такие вещи, как "Горящий Абадан", "Спасенный корабль", "Невеста солдата", как "Дайте нам вырасти" - своеобразное "открытое письмо" от лица детей мира, посланное ядерным крестоносцам. Голос поэтессы порой обретает ноты сказочности - как в стихотворении "Симург", где в центре повествования - образ дивной птицы, вошедший и в наш, славянский эпос; порой обретает жестко-волевые оттенки /"Капитанская стойкость", где речь идет о понятии лидерства в управлении массами/, порой становится нежно-лиричным до предела - так, Жале в стихотворении "Для тебя" обращается со словами любви к единственному избраннику ее судьбы - и в то же время местоимение "ты" несет в себе одновременно и обобщающее значение. Ты - мой любимый, ибо ты - борец, ты - герой, ты - народ; такая цепь образов далеко не единична в ее стихах. Не случайно ее стихотворение "Родина" - одно из наиболее давних здесь, в "Альборусе..." - стало песней-гимном всех иранских эмигрантов-революционеров.

5/

Думается, глубоко интересны нашему читателю будут стихи Жале, рожденные впечатлениями от поездок в страны Запада - "Лондон", "Италия", ряд других - не познавательной стороной, разумеется, хотя в них есть немало тонко подмеченных примет буржуазной действительности - а тем, что поэтесса смотрит на все только своими глазами, видит, стремится увидеть в иных краях то, что ей дорого и у себя на родине - красоту, древнюю культуру, не как музейные экспонаты - а как почву для роста человеческой духовности, для борьбы и труда. В стихах такого плана голос иранки порой становится полемично-резким. В "Разговоре с Ницше" она приводит высказывание немецкого философа из "Заратустры" - "Мы устали от поэтов, они, как павлины и как море, нуждаются в зрителях". "Хорошее сравнение, - отвечает иранка, - но какой у него грустный результат". Мысль Ницше для нее изначально ложна, ибо - здесь она обращается к образу его соотечественника Гете, к своему духовному предку Фирдоуси, к Пушкину - каждый подлинный художник слова претерпевал адские муки наедине с самим собой - не ради зрителей, а для человечества...

Если птицы не будут петь,
Если не будет танцевать вода и расти зелень,
Что станет с землей?
Если во всем материальном не будет души,
Не будет радости, не будет надежды,
Если не будет боли - что будет тогда?
...Уподобимся ли мы тем, кто всегда говорит "Нет" -
Они - как снег, где сидят, там и холодно.
...Как величав ты, целуя любимую руку.
Как мерзок тот, кто целует не руку любимой,
А мужскую руку власть имущего...

- такая скитка образов возникает в ее большом лирико-публицистическом стихотворении "Рука любви". Именно читая это стихотво-

рение, я нашел ответ на вопрос, возникавший у меня при чтении многих других стихов "Альборуса..." - чем именно, чем прежде всего могут быть близки и нужны стихи иранской поэтессы нашему, советскому, русскому читателю сегодня - человеку, будем откровенны, несмотря на внимание к тревогам и заботам зарубежных борцов за свободу, в общем-то далекому от реальности иранского народа? -

Стихи Жале очень нужны и близки нам прежде всего тем, что поэтесса размышляет в них над ^{теми} категориями бытия и общественной жизни, переживает в них те эстетико-нравственные трудности и тернии, что сегодня занимают и нас. Мы все сегодня живем в ритме тревог за нашу почву, за наших детей, за нашу национальную самобытность, за консолидацию сил здоровых слоев общества, за сохранение веры и надежды в наших сердцах, за человечности в противовес "роботизации" - но, что скрывать, /опять-таки - слаба богу, что это так/ - мы решаем все эти проблемы, трактуем эти явления, рассматриваем эти категории все-таки в очень спокойной, обеспеченной, стабильной обстановке, в несколько мягко-философских тонах - а время требует от нас острых и принципиальных решений. Жале же, говоря в стихах обо всем этом, вводит нас в очень трагедийный срез бытия и сознания, она напоминает нам своей жгучей и взрывной метафорикой, своей ароматно-свежей музыкой персидского слова, своей страдающей и любящей душой дочери многострадального народа о том, что за все на свете надо биться всерьез. "Гибель всерьез" - эти пастернаковские слова созвучны ее нравственному лейтмотиву в поэзии. То, чему мы посвящаем немногие часы, а то и минуты раздумий, становится в ее стихах императивом, властным требованием совести поэта, говорящего от лица тех, кто действительно гибнет, на дыбе мучится, в адских камерах пыток умирает за такие понятия, как честь, совесть, выбор сердца, красота, воля, свобода.

Антибуржуазный, антимещанский взгляд Жале на мир как бы

7/

встряхивает наши души, очищает их от жирка благополучности, заряжает светом подлинного - а не "сюрреального", не нарочито пугающего - драматизма бытия.

Вот почему новая книга Жале, по моему глубокому убеждению, остро необходима сегодняшнему нашему читателю.

При всем этом Жале не "форсирует" голос - потому я лично и верю в подлинность мира ее поэзии, что это голос простой женщины, любящей матери - недаром одни из лучших страниц сборника обращены к сыну, к детям вообще - голос восточной женщины, хранящей среди бурь и бедствий то обаяние красоты, которым мы уже с давних пор восхищаемся по стихам классиков, песням и легендам... "Как воск, таять в своей же ладони и снова себя создавать, из сада сердца и из всходов думы выбрасывая чертополох" - так хочет жить и живет ее лирическая героиня. Недаром в стихотворении "Зани Ирани" /"Иранская женщина"/ Жале подчеркивает обаяние ума своих соотечественниц - она сама ~~демонстрирует~~ выказывает это обаяние в целом ряде стихов лирико-философского плана, таких, например, как "Победитель-побежденный", притче о встрече Тамерлана с Хафизом. Великий поэт говорит завоевателю: "Величие султанской короны, главное в которой - страх за жизнь, это - хорошая шапка, но она не стоит даже боли в голове". Актуальные слова для наших дней планеты...

Притча, иносказание, аллегория неотъемлемы от творческого метода Жале, равно как и фантазия, светлый романтический порыв. "Орзу" - мечта, это слово очень часто появляется на страницах сборника и рукописи: поэтесса - действительно мечтательница, она мечтает о людях будущего - которыми сегодня должны становиться мы, современники, не замечающие порой золота жизни, ослепляющие себя ложным блеском /"Если б каждый стал звездой"/, она мечтает о "космичности" человеческого духа - но не холодно-остраненного, а земного, берущего неземную силу от матери-земли; она мечтает - понимая, что эта мечта полностью не осуществ-

вима - о безграничной и всеобъемлющей силе поэта, не могущего своими двумя глазами и одним пером объять весь мир со всеми его красками и звуками... Поэтесса имеет право быть такой мечтательницей, ибо:

...Я никогда не была камерным поэтом...

Я никогда не была дождем для всех и любых пустынь.

Не была маяком для всех и любых кораблей.

Не игралась с дочерью своей мысли /словом, стихом/.

Я без острой жажды сердца не сказала ни слова.

Мои стихи - моя судьба, я рассказчик горя и счастья

Своего и моих друзей. Моя поэзия -

Мои баррикады, мое оружие...

- так пишет Жале в программном стихотворении "Мои стихи - моя судьба," и завершает его строками, которые хочется процитировать в подлиннике - столь "вкусно" и жарко они звучат на фарси:

Ец омп ман аз номе гумноман невештам.

Парвандам бо инсолхон бозасту басте.

то есть:

Всю мою жизнь я писала от имени безымянных,

всю мою жизнь вложила в стихи - и всё.

Это - правда жизни и правда поэзии.

Таковы мои основные впечатления от новых стихов Жале, представленных ею в сборнике "Альборус непобежденный" и в рукописной подборке. Все вместе они могут и должны стать яркой, сильной книгой, которая, несомненно, необходима нашему читателю - необходима своей красотой стиха, остросоциальной мыслью поэта-революционера, антибуржуазным пафосом, обаянием лиризма.

Рукопись /сборник и подборку/ книги стихов Жале я горячо рекомендую к изданию.

15. I. 86.

Ст. Золотцев